

УДК 332+338

КОТОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

ЭКСПОРТООРИЕНТИРОВАННАЯ СЫРЬЕВАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: В ПОИСКАХ НОВОЙ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ

Размещение экономической активности в пространстве является результатом общей экономической политики в стране. Новейший период истории России характеризуется значительной экономической силой экспорто-ориентированных отраслей, которая имеет пространственную проекцию в виде ускоренного развития крупнейших агломераций, минерально-сырьевых центров. В статье оценивается эффективность такой модели по наборам индикаторов межстрановых сопоставлений. Особенности пространственного развития России по экспорто-ориентированному сырьевому сценарию раскрыты через анализ положений проекта Стратегии пространственного развития. В противоположность экспорто-ориентированному подходу предлагается сценарий расширения внутреннего спроса и необходимости всемерного учета территориальных особенностей в государственной пространственной политике.

Ключевые слова: стратегическое планирование; стратегия пространственного развития; межрегиональная дифференциация; экспортная активность; внутренний спрос.

KOTOV A. V.

EXPORT-ORIENTED RAW MATERIAL MODEL OF THE RUSSIAN ECONOMY: IN SEARCH OF A NEW MODEL OF SPATIAL DEVELOPMENT

ABSTRACT

Placing economic activity in space is usually the result of a general economic policy in country. The newest period in the history of Russia is characterized by the strongest economic force of export-oriented industries, which has a spatial projection in the form of accelerated development of the largest agglomerations, mineral resource centers. The article evaluates the effectiveness of such a model based on a set of indicators of cross-country comparisons. The features of the spatial development of Russia in the export-oriented resource scenario are disclosed through an analysis of the provisions of the draft spatial development strategy. In contrast to the export-oriented approach, a scenario is proposed for expanding domestic demand and the need to fully take into account territorial features in state spatial policy.

The acceleration of economic growth, which is associated with the development of the largest urban agglomerations and resource centers, does not contribute to the formation of a stable system of spatial development in Russia. Quite the contrary, the gap between the strongest players in the spatial system, relying only on their capabilities (very high) undermines the stability of the system.

Keywords: strategic planning; spatial development strategy; interregional differentiation; export activities; domestic demand.

Пространственное развитие как зеркало состояния общей экономической политики

Пространственное развитие страны определяется тем состоянием, которое она занимает в системе мировых производственных отношений. В России организация экономической активности

в пространстве за период 1990–2016 гг. проходит под влиянием ухудшения состояния реального сектора экономики и движения по кругу суженной модели воспроизводства через волны девальваций [5, 13].

Закреплению экспорто-ориентированной модели развития экономики способствует «диктат»

сырьевых отраслей, устойчивость которых обеспечивает использование абсолютных конкурентных преимуществ в виде добычи и торговли уникальными запасами первичных полезных ископаемых (нефть, газ, уголь и др.) [3, 7, 21]. Среди всех показателей работы промышленности, именно по важному показателю добычи нефти, включая газовый конденсат, российской экономике удалось к 2016 г. превзойти уровень 1990 г. (см. рис. 1).

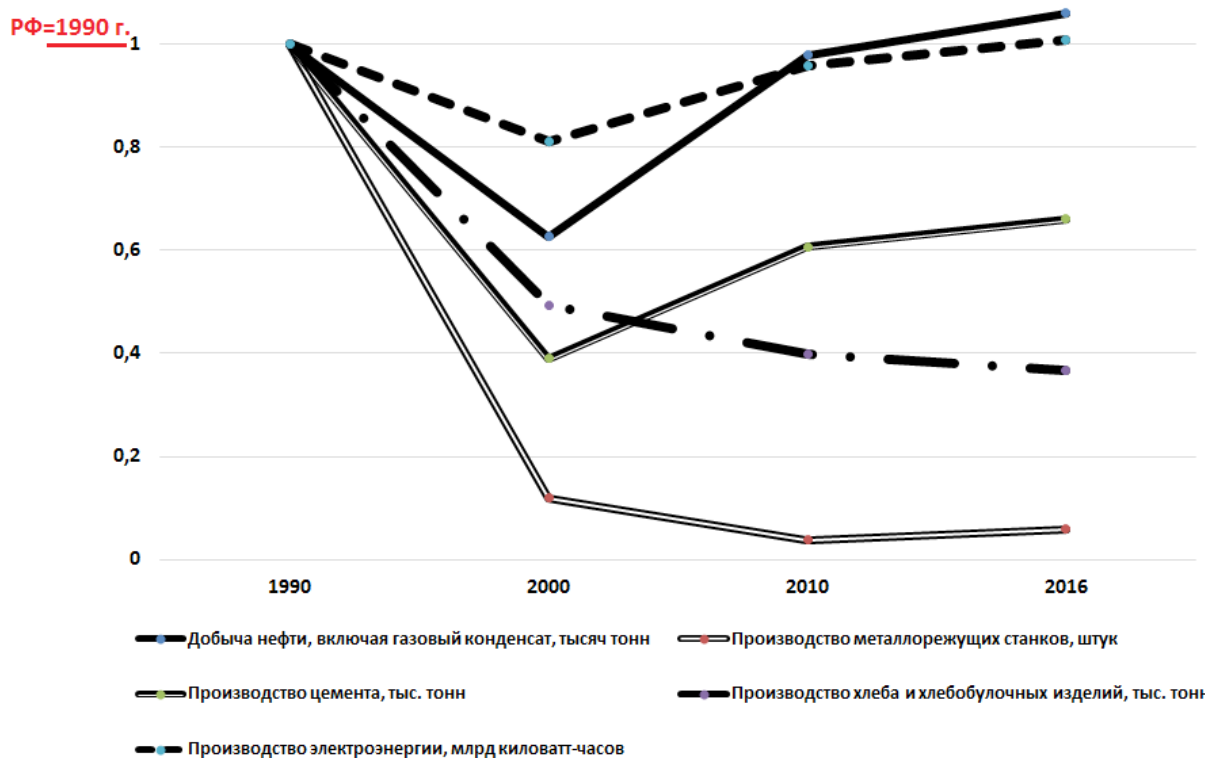
Аналогичное сохранение физических объемов производства электроэнергии в млрд. квт-часов в этом случае играло поддерживающую роль для топливных отраслей, обеспечивая функционирование гигантских протяжённых сетей нефте- и газопроводов, других сырьевых отраслей (прежде всего, черной, цветной металлургии).

За то же время 1990-2016 гг. этот «подземный капитал» не конвертировался в «надземный», в долгосрочные проекты несырьевого развития, в развитие промышленности, в качественное улучшение инфраструктуры. Россия является очень «маленькой» страной, судя по физическим объемам производства цемента для строительства (66% в 2016 г. к уровню 1990 г.), особенно по обвальному

падению производства металлорежущих станков – сердцевины машиностроения (6% к уровню 1990 г., с 74171 до 4383 штук), резкому сокращению производства продуктов (37% от уровня производства хлеба и хлебобулочных изделий, 40% от производства мяса, 57% от производства цельномолочной продукции – от уровня 1990 г.). В тоже время численность населения РСФСР в 1990 г. составляла 148,1 млн. человек, а в РФ в 2016 г. – 146,5 млн. человек [23].

Положительный эффект освоения обширной и насыщенной природными богатствами территории, таким образом, дополняется негативным эффектом. Вовлечение в производство новых, богатых природными ресурсами территорий, можно рассматривать как один из видов компенсирующего эффекта, который заменяет малое количество производства с передовыми технологиями, требующее другое качество и количество труда, материалов, оборудования [30].

В пространственной проекции эти тенденции преломились в виде резкого сокращения численности населения на Дальнем Востоке и «северах», ускоренном росте крупнейших центров дислокации

Источник: составлено автором по данным (Регионы России. Основные социально-экономические показатели)

Рисунок 1 – Динамика производства некоторых важнейших товаров в России в 1990-2016 гг. (1990= 100%)

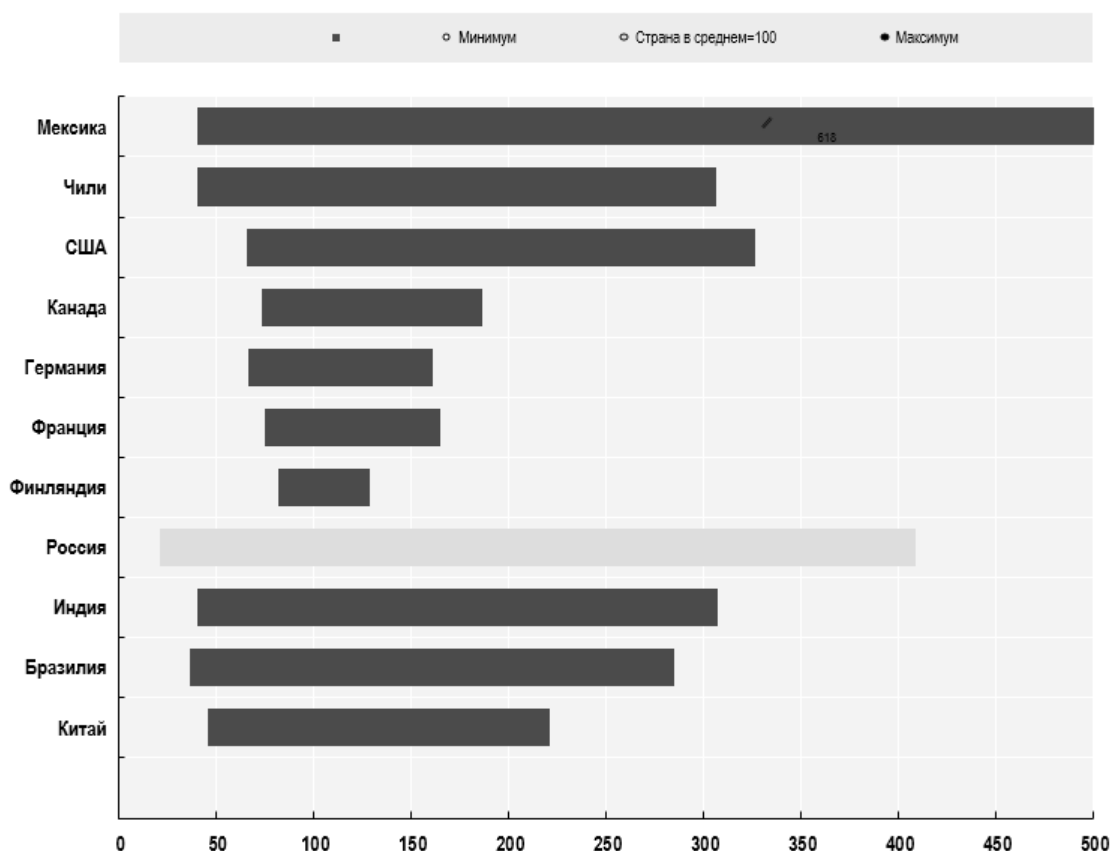
сырьевых компаний, обслуживающих проведение финансовых операций (Москва и Санкт-Петербург) и в целом приоритете действия факторов «первой природы» – благоприятного климатического положения (Краснодар) или сохранения инвестиционной привлекательности (города Тюменского Севера) при сохранении значительного полюса относительно отсталых регионов [4].

Как следствие, тенденцией пространственного развития в последние десятилетия в Российской Федерации стало нарастание межрегиональных социально-экономических диспропорций в результате региональной политики. По сравнению со странами ОЭСР, у России один из самых высоких показателей вариации ВРП на душу населения в сопоставимых ценах (см. рис. 2).

Уровень межрегиональных различий, сильнее чем в России, наблюдается ещё в Мексике и сравним с ситуацией в Чили, США, Индии, Бразилии. Но ни в одной приведённой стране нет такого разброса, как от минимального значения до среднего значения по стране в целом.

Очевидно, что проведение в России государственной политики регулирования территориального развития столкнулось с сильным лоббизмом экспортноориентированных отраслей в задачах определения долгосрочных приоритетов, практической корректировки экономического поведения людей и фирм, вызванного радикальными изменениями в народнохозяйственной системе.

В статье рассматриваются последствия чрезвычайно сильного усиления экспортных сырьевых отраслей на российское пространственное развитие с нескольких сторон: с точки зрения применения инструментов региональной политики, сравнения главных черт двух подходов – преимущественной ориентации на экспорт или на внутренний спрос. С помощью этого анализа в другой части статьи предпринята попытка оценить результативность сложившейся модели пространственного развития с помощью оценок межстрановых сопоставлений. Завершает статью анализ текущего проекта Стратегии пространственного развития России с точки зрения сохранения экспортноори-

Источник: составлено автором по данным (OECD Regional Outlook, 2016)

Рисунок 2 – Межрегиональные различия в душевом ВРП (без учета ППС) в различных странах в 2016 г (максимум/среднее и минимум/среднее, %)

ентированного подхода или его трансформации в целях сбалансированного обеспечения пространственной справедливости и эффективности.

Ориентация на экспорт vs на внутренний спрос в контексте российского пространственного развития

Характерными чертами экспорто-ориентированного сырьевого подхода в пространственной политике является постулат, что «часть территорий не вписалась в современную глобальную экономику».

Согласно этой концепции, на этих территориях целесообразно оставить минимальные социальные стандарты «чисто в гуманитарных целях» и поддерживать самые мощные центры роста, ориентированные на внешние рынки и коммуникации. В таблице 1 охарактеризованы другие компоненты экспорто-сырьевого подхода, а также подхода, базирующегося на наращивании внутреннего спроса и развитии межрегиональных взаимодействий (см. табл. 1).

Лобовое применение экспорто-ориентированного подхода к пространственному развитию России невозможно на значительной части территории страны, на которой нет достаточно сильных внешнеориентированных производств, нет достаточной плотности населенных пунктов для получения агломерационных эффектов, нет инфраструктурных условий для частого коммутирования в процессе формирования рынков труда, для локальных перетоков знания.

Экспорто-ориентированный сценарий напрямую связывает перспективы национального экономического развития лишь с крупнейшими центрами, где возможен агломерационный эффект, с «регионами-лидерами», что в российских условиях ведет к экономической деградации обширных северных и восточных пространств страны и что недопустимо по соображениям стратегической безопасности.

Немаловажно, что в экспортоориентированном сырьевом подходе к пространственному развитию не остаётся практически места менделеевским

Таблица 1

Сравнение теоретических подходов к разработке проблем пространственного развития России

Вопросы / Подходы	Исходные теоретические посылки	Географическое пространство России	Эффективность сложившейся пространственной организации экономики	Концепция новой экономической географии
Экспорто-ориентированный сырьевой подход	экономика представляет множество независимых рационально действующих участников. Критически важна близость к мировым рынкам и встраивание в сложившиеся цепочки на своих абсолютных преимуществах	«Расползание» экономической активности по территории в процессе освоения и последовательной государственного регулирования оценивается негативно.	Размещение производительных сил не отвечает критерию рыночной эффективности и максимизации прибыли	Рациональное принятие решений множеством независимых агентов рынка и модели общего равновесия моделируют достижение компромисса между рассредоточением и агломерацией, или между центробежными и центростремительными силами.
Взгляд от концепции наращивания внутреннего спроса	агенты рынка действуют в условиях неполной информации, а рациональность их весьма ограничена. Они скорее преследуют свои интересы, чем демонстрируют экономически рациональное поведение. Они не могут оставаться равными и независимыми «атомами».	Пространство – это национальное преимущество, обусловленное историческими, географическими, культурными особенностями и внешнеполитическими условиями	Пространственная организация сложилась под воздействием отраслевых интересов, решений задач национальной безопасности в условиях многолетнего давления извне	По причине своей «идеологической чистоты» НЭГ ничего не предлагает в отношении государственной региональной политики и фактически не работает в малоплотных пространствах Зауралья, Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Источник: составлено автором.

идеям «познания» России. Вся территории делится на перспективные/неперспективные зоны с точки зрения максимизации экспортных эффектов, а на не зоны с разными базовыми условиями для развития – и, следовательно, разной «потенциальной энергией» по В. И. Вернадскому, с разными миссиями и задачами развития, и разными критериями к их оценке [1].

Нужно признать, что пространство – это не абстрактное вместилище материальных объектов и единственной главной задачей не является его «умерщвление» – максимальное снижение транспортных издержек и приближение к центрам мировой торговли. Как определяет пространство Р. Капелло [31] – «диверсифицированно-отношенческое» – оно в логике стимулирования внутреннего спроса является важным ресурсом, который используют многие крупные страны и межгосударственные объединения с целью обеспечить становление и большую гибкость новому технологическому укладу с его акцентами на инновационное развитие, размещение многочисленных локальных площадок, учитывающих многообразие конкурентных возможностей территории, расширение малого и среднего предпринимательства.

В этой логике пространственное развитие служит как бы элементом сохранения идентичности страны и вековым вызовом, на который она в соответствии со своими историко-культурными условиями отвечает. У России есть свой собственный пространственный вызов – инновационная модернизация национальной экономики, новые интернациональные альянсы с разными странами, территориальные узлы новой геополитики с новыми союзниками и конкурентами, историческая задача согласовать территориальные и отраслевые интересы и найти баланс между государственным регулированием и свободным рыночным развитием.

Давление экспортного сектора и результативность применения инструментов пространственной политики

К настоящему времени в различных формах государством использовано свыше 400 мер поддержки регионального развития, но по оценкам различных авторских исследований, Счетной палаты, эффективность их применения крайне невысока [2, 11, 24, 25, 28, 29]. Ожидалось, что

инструменты запустят сначала формирование неких анклавов опережающего развития, потом сольются и ускорят рост российской экономики.

На практике вышло так, что в условиях экспортоориентированного развития анклавов регионального роста, индуцированные влиянием применявшихся инструментов, имеют тенденцию к весьма автономному существованию и «самозащите» от остальной региональной экономики.

На наш взгляд, недостаточная продуманность в использовании мер поддержки уступила здесь место фактору функционирования всех инструментов в принципиально другой «едкой» технико-экономической среде, изначально ориентированной на безусловный приоритет внешнеэкономических взаимодействий и встраиванию в мировые технологические цепочки в ущерб развитию экономики, базирующейся на активизации внутреннего спроса.

Вместо повышения национальной производительности труда и поддержки обычных отраслей обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, инструментами региональной политики активно поддерживается создание технологических анклавов, которые не интегрируются плотно в региональную экономику, дают малый процент конкурентоспособной продукции.

В рамках экспортоориентированной модели в территориальном разрезе было испробовано особенно значительное количество форм поддержки, в числе которых: ТОСЭР, ОЭЗ, специальные ОЭЗ в Калининградской и Магаданской областях, свободный порт Владивосток, индустриальные промышленные парки, промышленные кластеры Минпромторга России, территориальные инновационные кластеры Минэкономразвития России, технопарки в сфере высоких технологий, зоны территориального развития, СКОЛКОВО и др.

Система созданных региональных анклавов роста в нынешней модели будет воспроизводиться и далее. Она сможет существовать на фоне деградирующей остальной экономики и прежде всего обрабатывающих отраслей.

Ориентация на конкурентоспособный сырьевой экспорт и постепенное освоение и применение практически всего аппарата известных в мире инструментов территориального развития стали первичными не только по сравнению с попытками переосмысления адаптации в новых условиях

прежнего советского опыта, но и по сравнению с изучением используемых на мировом уровне вопросов эффективности этих инструментов, предусматривающих достаточно долгий период функционирования мер.

Вместе с тем современная практика применения инструментов региональной политики претерпевает изменения в контексте самой смены парадигмы территориального развития. Так, если 15-20 лет назад ключевой задачей было оказание отраслевой поддержки, то в последние годы меры поддержки повсеместно оказываются направленными на раскрытие регионального потенциала в его разнообразных проявлениях с целью достижения регионального устойчивого развития. На смену преимущественно отраслевым мерам приходят более комплексные инструменты, и оценка их воздействия становится соответственно не узкосекторальной (отраслевой), а скорее интегральной, то есть комплексной [18].

Именно поэтому, к сожалению, на наш взгляд, на сегодняшний день многие прекрасно работающие в других странах инструменты уже успели «разоружить» себя на российской почве. Во-первых, это произошло из-за принципиально другого национального макроэкономического контекста и неучета современных глубинных механизмов регионального развития. Во-вторых, совместное действие этих причин усилило резонанс на фоне традиционной российской многоукладности хозяйства и значительной межрегиональной дифференциации.

Представляется целесообразным восстановление народнохозяйственной роли сырьевых отраслей, соответствующей специфике нашей экономике, и с помощью этого развитие обрабатывающей промышленности, опирающейся на комплексное использование инструментов оказания поддержки развития регионов.

Для этого необходима системно выстроенная архитектура взаимоувязанных разнообразных инструментов осуществления региональной политики, исключающая масштабное применение дублирующих друг друга инструментов поддержки. Политика господдержки должна учитывать территориально-отраслевые особенности объектов, в перспективе она сможет обеспечивать научно-обоснованный выбор мер реализации отраслевых и инфраструктурных проектов пространственного развития страны.

Промежуточные итоги экспорто-сырьевого развития: подход к оценке результативности пространственного развития

В основе проведения оценки результативности отечественной модели управления пространственным развитием в её экспорто-сырьевом варианте лежит представление о необходимости оценки ключевых измерений пространственного развития, в числе которых, могут рассматриваться следующие:

- пространственный рост – направление, в рамках оценки которого должен быть дан ответ на вопрос о том, сколько и какого качества общественный продукт генерируется на территории страны;
- пространственное взаимодействие – направление, в рамках оценки которого должен быть дан ответ на вопрос о том, какова степень развития транспортных инфраструктур разного типа; готовность к их «бесшовному» взаимодействию в той или иной стране;
- пространственная связность и доступность – направление, в рамках оценки которого должен быть дан ответ на вопрос о том, насколько тяжело преодолевается пространство, как высоки транспортные издержки для ведения экономической деятельности в стране;
- социально-экономическая сбалансированность – направление, в рамках оценки которого должен быть дан ответ на вопрос о том, достигается ли снижение межрегиональной дифференциации по ключевым социально-экономическим показателям;
- устойчивость природной среды – направление, в рамках оценки которого должен быть дан ответ на вопрос о том, обеспечивается ли сохранение природного компонента пространственной среды;
- качество управления пространством – направление, в рамках оценки которого должен быть дан ответ на вопрос о том, происходит ли оптимизация взаимоотношений между центральным и субцентральный уровнем управления [19].

В рамках настоящей работы на основе вышеуказанных групп характеристик представляется целесообразным проведение многокомпонент-

ного сравнения эффективности моделей пространственного развития в разных странах. Для оценки различных компонентов предлагается система частных показателей, значения которых приведены в таблице 2.

Отставание России по многим блокам оценки и в частности по направлению «Пространственный рост» показывает, что в России до настоящего времени не выработано четкого понимания взаимосвязи между конкурентоспособностью

Таблица 2

Показатели сравнительной оценки эффективности моделей пространственного развития разных стран

	США	Канада	Германия	Франция	Финляндия	Россия
Пространственный рост						
ВРП/на душу населения в 2015 г. (в ценах 2010 г. по ППС, текущие цены)	51631	42418	42630	36882	37889	24516
Потребление энергии от первичных источников (% от общего)	82,78	73,59	79,81	46,63	39,69	90,22
Потребление электроэнергии (кВт*ч на душу населения)	12984,33	15545,54	7035,48	6939,52	15249,99	6602,66
Высокотехнологичный экспорт (% от промышленного экспорта)	18,99	13,84	16,66	26,85	8,73	13,76
Прямые иностранные инвестиции (млрд долл. США, текущ.) на душу населения	1633,8	1814,0	661,8	699,4	3139,6	479,4
Устойчивость природной среды, не истощительное природопользование						
Эмиссия CO ₂ (тонн на д.н.)	16,49	15,12	8,89	4,57	8,66	11,86
Территориальные и морские охраняемые пространства (% от всей территории)	14,82	6,24	38,46	25,73	14,07	8,75
Поступления от международного туризма, (% общего экспорта)	10,93	3,92	3,20	7,06	3,02	3,36
Доля использования атомной и альтернативной энергии (% от общего потребления энергии)	12,32	22,93	11,97	49,47	23,73	8,82
Пространственная связность и доступность						
Плотность железнодорожных линий (кв. км. / (нас. (млн.чел.) и площ.терр. (тыс. кв. км.))	133,9	89,5	195,7	162,0	139,8	54,6
Трафик контейнеров (в единицах TEU 20-фунтовых эквивалентов) на тыс. чел.	154,6	170,6	235,3	89,7	264,8	27,4
Время проведения экспортной операции (в среднем, дни)	3,0	2,0	3,0	1,0	2,0	5,0
Время проведения импортной операции (в среднем, дни)	3,0	2,0	3,0	1,0	2,0	7,0
Индекс качества логистики: (от 1=низкий до 5=высокий)	3,9	3,9	4,1	3,8	3,9	2,6
Пространственное взаимодействие						
Всеобщее качество инфраструктуры (1-7)	5,90	5,20	5,70	6,10	6,10	4,00
Качество дорожной инфраструктуры (1-7)	5,70	5,40	5,50	6,00	5,40	2,90
Качество железнодорожной инфраструктуры (1-7)	5,50	4,90	5,50	5,80	5,60	4,60
Качество портовой инфраструктуры (1-7)	5,80	5,40	5,50	5,10	6,20	4,20
Качество аэропортовой инфраструктуры (1-7)	6,00	5,90	5,80	5,70	6,30	4,60
Количество посадочных место-км (1-7) (на млн. чел.)	126,6	121,7	68,2	65,3	101,1	26,4

	США	Канада	Германия	Франция	Финляндия	Россия
Социально-экономическая сбалансированность						
Разрыв в доходах населения на 10%-ном уровне (децильный коэффициент)	15,90	9,40	6,90	9,10	5,60	12,70
Разрыв в доходах населения на 20%-ном уровне (квильный коэффициент)	8,40	5,60	4,30	5,60	3,80	7,60
Джини коэффициент	40,80	32,60	28,30	32,70	26,90	39,90
Доля безработицы (% для возрастов от 15-64)	5,7	7,2	4,7	10,5	9,6	5,6
Качество управления пространством						
Общие расходы на субнациональном уровне, % от ВВП	18,6	31,1	20,5	20,9	23,9	22,6
Инвестиции на субнациональном уровне, % от ВВП	1,8	3,4	1,5	2,5	2,2	2,2
Доля налоговых доходов (% на национальном уровне)	44,6	54,9	49,3	19,1	33	38,4
Доля налоговых доходов (% на региональном уровне)	51,3	50,5	54,8	47,9	44,5	35,9
Доля грантов и субсидий (% на региональном уровне)	22,1	30,2	26,6	35	30,5	46,8

Источник: составлено автором по статистическим базам ОЭСР, Всемирного экономического форума, Всемирного Банка

и возможностями пространственного развития для её достижения. Цели увеличения ВВП, увеличения высокотехнологичного и несырьевого экспорта для достижения экономического роста и развития считаются общепризнанными, но их интерпретация и выработка компромиссной стратегии и тактики действий в различных сегментах экономики для их достижения остаются проблематичными.

Отсутствие четкой государственной позиции в этом вопросе фактически позволяет различным заинтересованным группам продвигать и реализовывать собственные различные интерпретации идей пространственного развития. Центральная идея «конкурентоспособности» и «экспортной активности» как центральных и, если сильнее сказать, единственно возможных основ экономического роста была не критически принята экспертным сообществом и органами исполнительной власти в отрыве от идей одновременного достижения социальной справедливости, в том числе, в ее пространственном аспекте.

В результате, российская пространственная политика фактически узко сосредоточилась на общей конкурентоспособности экономики,

для чего сфокусировалась на продвижении сегодняшних экспорто-ориентированных лидеров конкурентоспособности, а также назначая лидеров завтрашних (не взирая на объективные прогнозы конкурентоспособности России в назначаемых ведущих секторах и, соответственно, регионах).

Вместе с тем, обеспечение устойчивого роста экономики России в долгосрочной перспективе жестко требует переориентации поддержки роста на территории с его разными источниками и с разным исходным стартовым потенциалом, тем самым подтверждая важность маневра диверсификации, то есть важность роста всех регионов для достижения задач национального экономического роста.

Например, по направлению «Пространственная связность и доступность» представляется очевидным, что расширение возможностей инфраструктурных сетей позволит добиться роста производства и его производительности. Сейчас многосоставность и «многошовность» инфраструктуры с её разделением на межрегиональные, внутрирегиональные, местные сети и связанные с ними узловые центры не позволяют добиться широкого круга взаимодействий, включая функ-

ционирование локальных рынков труда, а также сокращение времени на осуществление экспортно-импортных и логистических операций.

Недостаточное качество инфраструктуры затрудняет пространственное взаимодействие на разных уровнях, замедляет диффузию новых знаний, технологий, ослабляет внутривнутриэкономическую интеграцию между отдельными регионами. Вместе с тем улучшение пространственного взаимодействия в целом для страны не меньше важно, чем технологическая или отраслевая близость. Это означает, что в перспективе следует наращивать взаимодействие между агломерациями, урбанизированными и сельскими регионами, обеспечивая вовлеченность всех территорий в формирование региональных темпов экономического роста.

Возможна ли трансформация экспортоориентированного подхода? Анализ Стратегии пространственного развития (СПР)

Прогнозный взгляд на будущее пространственного развития России могла бы дать Стратегия пространственного развития, обсуждение проекта которой активно шло на протяжении последних лет [9, 10, 12, 14-17].

В принятой 13 февраля 2019 года Стратегии пространственного развития России уделяется особое внимание в пространственном развитии «точкам роста», которые обладают «эффективной экономической специализацией». Причем в данном случае, видимо, под эффективной специализацией понимается не классическая концентрация производства или занятости по сравнению в целом по стране, а некая совокупность эффективных (но каким образом – неясно) текущих и перспективных укрупненных видов экономической деятельности региона.

С точки зрения «опоры на экспорто-ориентированных лидеров» (ямальские и сахалинские проекты, ХМАО, Ванкор), этот подход выглядит безупречным. Однако, он не учитывает, что виды экономической деятельности (ВЭДы) региональной экономики находятся обычно на разных стадиях отраслевого жизненного цикла, что влияет на саму характеристику «эффективности». Кроме того, главный порок этого подхода состоит в том, что он практически закрывает инновационный поиск

«взыскательного внутреннего спроса» – новых возможностей в других ВЭДах и территориях, опираясь на данные ретроспективного анализа. Представленный путь мог бы быть одним из возможных, если бы был бы возможен высоко достоверный прогноз до 2025–2030-го года относительно будущего товарных рынков.

Само понятие «точки роста» – экстерриториально, оно скорее относится не к территории, а к отдельному предприятию, конкретному проекту. И этот проект имеет жизненный цикл и свою сложившуюся колею. В будущее же ориентированы «полюса роста» [20], которые также локализованы на территории, но запускают цепную реакцию активных структурных изменений на окружающей территории.

Стратегия пространственного развития должна отвечать на ключевую дилемму для пространственного развития в условиях использования ограниченных ресурсов: «выравнивать» или «стимулировать». Является сильной гипотезой, что набор точек роста, дававший определенные темпы роста в прошлый период, обещает их давать и в будущем. Также на эффективность специализации могут оказывать влияние изменение значимости мобильных, частично мобильных, немобильных факторов размещения. В случае «точек роста» пропадает именно динамичность пространственной организации экономики и остаётся лишь эффективность в статике.

А самое тревожное, на наш взгляд, что этот подход не позволяет заглянуть в будущее и никак не дает возможность увидеть будущую роль территорий, их групп, межрегиональных взаимодействий в рамках макрорегионов.

Развитие транспортной инфраструктуры видится преимущественно опять же в «экспортоориентированном» варианте, с точки зрения «сверху вниз» и прокладки трансграничных транспортных логистических коридоров. На наш взгляд, принципиально важно дополнять этот подход взглядом «снизу-вверх», возможностями развития локальных транспортных систем Сибири, Севера и Дальнего Востока, учета их возможностей саморазвития при встраивании их в международные коридоры. То есть прогнозирование потребностей в развитии транспортной инфраструктуры должно вестись не от груза, а от территории, у которой есть (или предстоит создать/возродить) возможности

мультимодального подключения к магистральной транспортной инфраструктуре [8].. В противном случае, для территории остаётся роль проходного «коридора» в прямом смысле этого слова.

В России, если будет взят курс на пространственно-локализованный рост, сконцентрированный в небольшом количестве агломераций, велик риск экономического опустынивания соседних территорий. Видимо целесообразнее говорить о балансе центростремительных и центробежных сил крупнейших городов, об оптимальном сочетании их возможностей, быть встроенными в глобальные экономические сети, но и в то же время быть пространственным «якорем», организующим территорию вокруг себя. Если этот город является лидером в агломерации, для его же устойчивого развития целесообразно думать о механизмах, которые бы не подрывали ресурсную базу.

С поддержкой развития отраслей эффективной специализации с учетом значимости международных рынков можно согласиться при условии, что вначале российские регионы займут адекватное достойное место в мировой хозяйственной системе, раскрывая имеющийся потенциал не только для саморазвития и достижения самодостаточности регионов, но и через использование возможностей наращивания межрегиональных связей. Таким образом, крайне важно, чтобы потенциал городов и регионов определялся возможностями комплексного развития, а не только динамикой внешних рынков.

**Задачи пространственного развития:
поиск баланса между эффективностью и
справедливостью**

Россия – федеративное государство. Следовательно, вопросы соотношения развития регионов и модели экономического роста являются базовыми в нашей стране. Определяющим условием должна являться гармонизация общероссийских интересов и всех регионов – субъектов РФ, в основе которой следует положить принцип Парето-оптимальности (невозможность улучшения положения всей системы, если ухудшение испытывает хотя бы один объект системы).

Необходимо ключевой задачей обозначить поиск баланса между «пространственной справедливостью» и «пространственной эффективностью».

Достижение пространственной эффективности связано с поддержкой экономического развития и наиболее эффективных экономических специализаций (в том числе, мерами промышленной политики), с увеличением выпуска продукции, со снижением издержек в региональных экономиках; с увеличением транспортной доступности общественных благ для бизнеса и населения («бесшовная» территория), с повышением связности расположения экономических активов и человеческого капитала, с минимизацией затрат на коммуникацию для различных взаимодействий, для облегчения проникновения инноваций, передачи знаний в пространстве и др.

В свою очередь, под пространственной справедливостью можно понимать право жителей любой территории на достойную социально-экономическую среду – в том числе, на подтверждение социальных гарантий и обеспечение социального стандарта; комфортную среду проживания; безбарьерность межфирменной и человеческой коммуникации; наличие мест приложения труда и транспортную доступность предоставления услуг образования, здравоохранения, культуры, торговли и т.д.; обеспечение экологической безопасности и др.

С точки зрения Конституции России и решения дилеммы извечной дилеммы «справедливость – эффективность» в первую очередь сценарий диверсифицированного (локально-распределенного) роста, основанного на росте внутреннего спроса, может обеспечить такую гармонизацию и на этой основе – долгосрочную устойчивость экономического роста страны, пусть даже в среднесрочной перспективе – с относительно меньшими темпами.

Если ускорение экономического роста будет связано с развитием Московской и Санкт-Петербургской, других городских агломераций и сырьевых центров, то это не будет способствовать формированию в России устойчивой системы пространственного развития. Скорее наоборот, отрыв сильнейших игроков в пространственной системе, ставка только на их возможности (очень высокие) подрывает стабильность системы.

Опора на использование внутреннего потенциала означает неотступную значимость каждой территории России для социально-экономического развития, недопустимость выделения «депрессив-

ных зон». Речь идет о том, что одни регионы имеют потенциал с точки зрения развития производства, другие – с точки зрения экологических преимуществ, сохранения биоразнообразия и природной среды, третьи «могут выстрелить» через развитие туризма, поддержание традиционной культуры коренных народов и т.д.

В этом будет заключаться признание качественных различий (разнообразия) регионов Российской Федерации по возможностям вклада в социально-экономическое развитие (по возможностям в обеспечение стратегической безопасности, в технологическое развитие, в инновационное развитие АПК, в раскрытие потенциала многонационального культурного многообразия и наследия).

Список литературы

1. Вернадский В.И. О ближайших задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил России. – Пг.: Тип. имп. Акад. наук, 1915. – [2], 15 с.
2. Научный доклад: институты развития как инструмент региональной политики. – М.: ИЭ РАН, 2015.
3. Брагинский О.Б. Нефтегазовый комплекс мира. – М.: Издательство «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2008. – 526 с.
4. Буфетова А.Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 38-56. DOI: 10.14530/se.2016.3.038-056
5. Глазьев С.Ю. Актуальные проблемы развития российской экономики / Избранные лекции Университета; Вып. 180. – СПб.: СПбГУП, 2017. – 48 с.
6. Гришина И.В., Польшнев А.О., Шкуронат А.В., Котов А.В. Стратегия пространственного развития России: методические подходы к разработке экономического блока: Монография / Под ред. д.э.н. И.В. Гришиной. – М.: ВАВТ, 2018. – 281с.
7. Дмитриевский А.Н. Ресурсно-инновационная экономика: история, проблемы, перспективы // Энергетическая политика. – 2011. – № 2. – С. 35-38.
8. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новый подход к освоению северных и арктических территорий России: локальная транспортная система // Проблемы развития территории. – 2018. – № 4 (96). – С. 26-41.
9. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2(26). – С.226–230.
10. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2. – С. 264-287.
11. Кузнецова О.В. Особые экономические зоны: эффективны или нет? // Пространственная экономика. – 2016. – № 4. – С. 129-152. DOI: 10.14530/se.2016.4.129-152
12. Мельникова Л.В. Теоретические аргументы и эмпирическое знание в стратегическом планировании // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2. – С. 52-80.
13. Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. – 2018. – № 4. – С. 8-20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020
14. Минакир П.А. В поисках пространственной гармонизации // Пространственная экономика. – 2017. – № 2. – С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2017.2.007-015
15. Минакир П.А. Девальвация рубля: внешние шоки и внутренние проблемы // Пространственная экономика. – 2018. – № 3. – С. 7–18. DOI: 10.14530/se.2018.3.007-018
16. Минакир П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 7-15. DOI: 10.14530/se.2016.3.007-015
17. Михеева Н. Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. – 2018. – №5. – С. 158-178.
18. Отчет о НИР «Модели управления пространственным развитием в развитых странах» (науч.рук. – д.э.н. Гришина И. В.). – М.: РАНХиГС, 2018.
19. Отчет о НИР Оценка эффективности федеральных мер поддержки экономических преобразований в субъектах Российской Федерации (реализуемых с 2000 года) (науч.рук. – д.э.н. Гришина И. В.). – М.: РАНХиГС, 2018.

20. *Перру Ф.* Экономическое пространство: теория и приложения // *Пространственная экономика*. – 2007. – № 2. – С. 77–93. DOI: 10.14530/se.2007.2.077-093
21. *Полбин А.* Оценка влияния шоков нефтяных цен на российскую экономику в векторной модели коррекции ошибок // *Вопросы экономики*. – 2017. – № 10.
22. Региональная статистика ОЭСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=REGION_DEMOGR (дата обращения 20.01.2019г.)
23. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
24. *Селявина Е.А.* Оценка эффективности государственных финансовых институтов пространственного развития: опыт России // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 1. – С. 91–108. DOI: 10.14530/se.2015.1.091-108
25. *Симачев Ю.В. и др.* Институты развития: вопрос не в том «зачем», вопрос – «как». Доклад Межведомственного аналитического центра, 2012. – 26 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/35208748-Instituty-razvitiya-vopros-ne-v-tom-zachem-vopros-kak.html> (дата обращения: 06.06.2018)
26. Статистика Всемирного Банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения 20.01.2019г.)
27. Статистика Всемирного экономического форума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org> (дата обращения 20.01.2019г.)
28. Счетная палата: В институтах развития и госкорпорациях растворилось 5 триллионов рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/schetnaya-palata-v-institutakh-razvitiya-i-goskorporaciya-kh-rastvorilos-5-trillionov-rublej-1002066628> (дата обращения: 06.01.2019г.)
29. *Швецов А.Н.* Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 1. – С. 38–61. DOI: 10.14530/se.2015.1.038-061
30. *Яременко Ю. В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 2000. – 400 с.
31. *Capello R.* *Regional Economics*, Routledge, 2007.
32. OECD Regional Outlook 2016 Productive Regions for Inclusive Societies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/regional/oecd-regional-outlook-2016-9789264260245-en.htm>
33. Subnational Governments in OECD countries: Key Data 2018 Edition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/regional/regional-policy/Subnational-governments-in-OECD-Countries-Key-Data-2018.pdf> (дата обращения 20.01.2019г.)

Статья поступила в редакцию 17 марта 2019 г.

Принята к публикации 26 мая 2019 г.